

Краларос:

– Да, господин. Не у всех полицейских участков есть достаточно средств и ресурсов для организации конвоев. Эти торговцы хотят только получать выгоду, не желая тратить ни копейки. Это слишком жадно.

Орвицка:

– ...Эти торговцы будут только ещё больше урезать зарплату рабочим, а вам платить за защиту.

Хоутмари пожал плечами, Краларос развёл руками:

– Нам, конечно, эти деньги не важны, но полицейские в участках не могут работать бесплатно.

– Дайте мне подумать... В течение двух дней я дам вам ответ, – хотя тон Орвицки был резким, он прекрасно понимал, что в этом вопросе ему придётся уступить. В Нортонской империи такие требования со стороны полиции были вполне законными.

Хотя это и выглядело так, будто они пытаются нажиться на обеих сторонах: с одной стороны, продавая людей, получая выгоду от мастерских, с другой – защищая людей, получая деньги от торговцев. Но с точки зрения самих Королевских полицейских, за такие внеслужебные дела, конечно же, платит тот, кто заказывает музыку. Они не видели в этом ничего плохого.

Орвицка не стал настаивать на этом вопросе, иначе это означало бы заставить всю городскую Королевскую полицию работать бесплатно. Два дня он попросил для того, чтобы уведомить рабочих в районе Рыбьего Хвоста.

Если они боятся, пусть потерпят два дня и не ходят на работу. Блины за четверть айко не дадут им умереть с голоду, хотя, скорее всего, работу они потеряют. Тем, кто обязательно должен идти на работу, следует собираться в группы. На отряды из десяти-пятнадцати крепких мужчин и женщин "охотники за рабами" не нападут.

Краларос и Хоутмари быстро ушли. Как только они ушли, пришёл Чендлер, которого он не видел почти пять месяцев.

– Береги себя, Чендлер, – он выглядел ужасно худым, скулы выпирали, усы под носом казались особенно заметными, глазницы впали ещё глубже, но глаза горели, как два огня.

– Спасибо, Орвицка, – Чендлер улыбнулся, и его носогубные складки стали заметнее, но он выглядел облегчённым. – Я знаю, что у тебя в последнее время были проблемы. Вот, надеюсь, это тебе поможет.

Он протянул Орвицке очень толстый конверт из крафт-бумаги.

– "Лицензия на производство цемента"?

– Да, последний документ пока не доставай. На короткое время будет безопаснее, если компания будет числиться на моё имя.

Последним документом был "Договор дарения цементного завода Мондейл", по которому Чендлер передавал Орвицке все акции цементного завода.

Именно поэтому конверт был таким толстым. Внутри было множество документов, включая четыре лицензии на использование патента на производство цемента.

Почему это могло помочь Орвицке? Во-первых, сейчас цемент был в большом спросе. Во-вторых, сырьё и оборудование для его производства были простыми. В-третьих, для производства цемента требовалось много людей.

- Третью прибыль устроит? - спросил Орвицка.

- Нет, это всё твоё.

- Обязательно треть. Это уже очень мало. Уильям, у тебя тоже есть свои люди, которых нужно содержать. Нельзя, отдавая, не получать ничего взамен... - Орвицка серьёзно посмотрел на Чендлера. - И, раз уж я твой друг, я тем более не должен подавать плохой пример, забирая твоё просто так.

Когда Орвицка сказал "друг", мышцы на щеках Чендлера дрогнули, он был явно тронут:

- Орвицка, можно тебя обнять?

Орвицка раскрыл объятия и без колебаний крепко обнял Уильяма.

- Спасибо... - Уильям уткнулся лбом в плечо Орвицки. - Спасибо, что ты всё ещё мой друг.

- Мы, конечно же, друзья.

Орвицка был недоволен Краларосом и Хоутмари, потому что те, по крайней мере, имели контроль над большинством своих подчинённых и могли сами выбирать, как обращаться с рабочими. Орвицка не требовал, чтобы они бесплатно защищали рабочих, но хотя бы не торговали людьми с таким удовольствием.

Они, хоть и не подталкивали к этому, но плыли по течению, не принеся никакой пользы.

А Чендлер, хоть и был выше их по статусу, но во всём этом деле ему катастрофически не хватало самостоятельности.

Перед королевой у него было только два варианта: "согласиться" или "возразить". И ему понятно, что он мог выбрать только "согласиться".

Учитывая положение Чендлера, он был достаточно добр и ответственен. Орвицка не имел права его упрекать, ему и так было достаточно тяжело.

- Пришлите бухгалтера с цементного завода. Йорк (сын няни) хоть и надёжен, но с математикой у него, похоже, не очень.

Чендлер рассмеялся:

- Ты прав.

Так и решили. Орвицка оставил Чендлера на ужин. Но аппетит у него был плохой. Было видно, что еда его интересует, но он просто не мог есть.

Поэтому Орвицка упаковал ему две большие корзины сконов. Прелесть сконов в том, что их можно делать и сладкими, и солёными. Орвицка всегда готовил их целую кучу - не фигурально, а буквально. Далиан ел их как закуску, и оборотни, приходя, тоже брали с собой десяток-другой.

Когда Далиан нёс две корзины кучеру Чендлера, тот, хоть и был готов, всё равно чуть не согнулся в три погибели.

– Если не голоден, можешь просто отломить кусочек. Не доводи себя, Уильям.

– Я постараюсь, не волнуйся, мой друг, – перед уходом он снова обнял Орвицку и только потом сел в карету.

– Я ревную, дорогой, – сказал Далиан.

– И как же ты меня накажешь, дорогой?

– Сегодня ночью я прикую тебя наручниками к изголовью кровати, – сказал Далиан.

– ...Хорошо.

Тяжёлый металл в дуэте с партнёром – тоже отличный способ расслабиться.

Люди Чендлера прибыли через два дня, как раз в тот день, когда полицейский участок района Рыбьего Хвоста прекратил сопровождение рабочих. И Чендлер приехал вместе с ними. На этот раз он выглядел гораздо лучше, чем два дня назад:

– Есть дело, в котором нужна твоя помощь, Орвицка, – с энтузиазмом сказал он, увидев Орвицку.

– Говори, кто умер.

Граф Эдвард Карлофис. Хотя Орвицка о нём не слышал, это был известный в империи распутный граф.

Передав нового сотрудника, мистера Хьюарда Фишера, Максиму, Орвицка и Далиан с людьми последовали за Чендлером.

В карете, едва услышав вступление, Орвицка не удержался и спросил:

– До какой степени нужно быть распутным, чтобы имперская аристократия назвала тебя распутным?

Для аристократа иметь двух-трёх любовниц одновременно (именно одновременно) было нормой. Четыре-пять – это уже считалось ветреностью. А больше пяти – даже хвалили за энергичность или обаяние.

Кажется, Орвицка не слышал, чтобы кого-то из аристократов презирали за слишком большое количество любовниц. Но "распутный" – это явно было негативное слово.

– Потому что граф Карлофис разводился шесть раз. Если бы его не нашли мёртвым в своём кабинете сегодня утром, то через полгода он бы женился в седьмой раз, – сказал Чендлер. Увидев, что Орвицка всё ещё в недоумении, он подумал и добавил: – Любовь без брака – это ветреность, а брак и развод – это предательство брака. Тем более шесть раз подряд, и каждый раз статус жены был всё хуже. Это было очень безответственно и по отношению к нему самому, и по отношению к его семье.

Это напомнило Орвицке текстильного магната из предыдущего дела. Тот тоже женился и разводился четыре или пять раз.

Не жениться или изменять в браке – это нормально. Жениться и разводиться – это проблема.

Хм-м-м, Орвицка считал, что проблемы были у всех.

– Шесть жён графа, его невеста, пятнадцать недавних любовниц, тринадцать законных детей и двадцать четыре признанных внебрачных ребёнка уже на месте, – Чендлер загибал пальцы.

Люди в карете с явным удовольствием смотрели на Орвицку. С каждым числом, слетавшим с губ Чендлера, глаза Орвицки становились всё больше, в точности повторяя кота, увидевшего что-то удивительное.

Только Далиан, самый добросердечный, прикрыл глаза Орвицки рукой.

Орвицка: "....." Он ещё и услышал, как кто-то засмеялся. Это был голос Аарона!

Когда Далиан убрал руку, улыбки на лицах всех исчезли.

В последнее время было много неприятностей, все были заняты, и когда они собирались вместе, на их лицах было серьёзное выражение. Давно не было слышно, чтобы кто-то смеялся.

Поэтому Орвицка тут же скривил губы вниз, так что нижняя губа выпятилась, и опустил уголки глаз:

– Моё выражение лица было таким смешным?

Тут же снова раздался смех.

Мужчины в карете внезапно начали строить рожи. Даже Далиан не стал исключением. Единственная женщина-полицейский, Шерри, смотрела на них со сложным выражением лица.

– Эх... – картинно вздохнул Орвицка. – Уильям, не обращай внимания на этих ребят. Расскажи лучше о жертве.

Чендлер тоже смеялся. Ему потребовалась целая минута, чтобы совладать с собой. Утирая слёзы, он рассказал Орвицке о распутном графе.

Сегодня утром в семь часов его секретарь нашёл его мёртвым в кабинете. В его животе было два ранения, нанесённых острым предметом, которые пробили кишечник, селезёнку и печень. Убийца зажал ему рот, не давая кричать, и он умер, истекая кровью на полу.

Его кабинет находился на Контерос-авеню в районе Утун, в двухэтажном здании.

– Контерос-авеню? Я помню, это место довольно среднее. И разве там есть офисные здания?

– Это не офисное здание, а обычное, просто он его перестроил, – сказал Чендлер. – На самом деле, большинство своих дел он вёл дома, как и другие аристократы. Офис на Контерос-авеню был лишь для того, чтобы обманывать простушек из простонародья.

– Не понимаю я этих слишком энергичных господ, – Орвицка бессознательно взял Далиана за руку и встретился с ним взглядом.

Действительно не понимал. Любить своего партнёра – этого достаточно. Зачем любить кого-то ещё? Что касается новизны, о которой он слышал от других, Орвицка тоже не понимал. В конечном счёте, некоторые вещи не меняются. Насколько новым может быть что-то новое?

Разве не с партнёром, узнавая его всё лучше и лучше, становится комфортнее?

Чендлер смотрел, как их взгляды столкнулись и слиплись. Через две минуты они не только не разошлись, но стали ещё более нежными:

– Кхм! Я расскажу о предыдущих браках графа.

Граф был единственным сыном и наследником в семье. Когда ему было двенадцать, умерла его мать. Старый граф не женился снова и не имел любовниц. Когда графу было двадцать три, старый граф умер от внезапного сердечного приступа. Но ходили слухи, что он отравился.

Все: "От противного?"

Граф впервые женился в восемнадцать лет на вдове, которая была старше его на двенадцать лет. Это была богатая и влиятельная герцогиня. Хотя из-за своего пола она не могла заседать в парламенте, она была одной из советниц королевы и остаётся ею по сей день.

Судя по взгляду Чендлера, Орвицка понял, что, вероятно, именно из-за этой дамы пришлось вмешаться первому наследнику престола.

Их брак продлился восемь лет и был самым долгим в жизни графа. Герцогиня была рядом с графом в самый тяжёлый период его жизни после смерти отца. Но вскоре после того, как граф снова обрёл вкус к жизни и появился в обществе, их брак распался.

Однако они остались друзьями.

Вторая жена была молодой аристократкой, по крови – дальней родственницей графа. Их брак продлился три года.

В браке с герцогиней граф вёл себя довольно прилично, был нежным и относительно верным мужем. Но во втором браке он полностью сорвался с цепи.

Он не столько женился на второй жене, сколько... на всей её семье. Две её старшие сестры, младшая сестра, даже её мать и тётя – не просто ходили слухи об их связи с графом, они появлялись с ним на мероприятиях, вся семья вела себя разгульно.

После этого все браки графа были по принципу "женился на всей семье". И самый долгий из его последующих браков продлился всего пять лет, а самый короткий – восемь месяцев, даже не дотянув до года.

Полицейские все как один сидели с вытаращенными глазами. Вообще-то, говорить о таком было немного неприятно, но, глядя на их лица, Чендлер чувствовал себя в окружении кошечек и собачек. Поэтому он не только говорил всё спокойнее, но и находил в этом что-то милое.

– Кар! – Один с криком приземлился на крышу кареты, выражая своё недовольство тем, что его забыли на всю дорогу.

Однако его размеры были слишком внушительными. Кроме знакомых, все вокруг начали ахать, когда он начал спускаться. Какой-то отважный охранник даже выхватил пистолет, но, увидев, как Королевский полицейский машет рукой, вспомнил о слухах про известного детектива, который приручил странного большого ворона.

Большинство людей думали, что слухи об этом вороне, как и слухи об оборотнях и Роде Крови,

- это просто легенды. Кто бы мог подумать, что это правда?

Многие тихо перешёпывались, но никто не осмеливался подойти.

- Сколько карет, - сказал Орвицка, оглядываясь.

- Это кареты семьи и друзей графа, - сказал Чендлер. - Слева сейчас временно отдыхают друзья, справа - временный офис Главного управления.

- Хм, я вижу Боростая.

Тот махал им рукой и уже бежал навстречу.

- Адвокат с завещанием прибыл, но по приказу её величества завещание должно быть оглашено только после того, как будет найден убийца. Если убийца упомянут в завещании, то он или она, а также их дети или мать, будут лишены права на наследство. Имущество, которое они должны были получить, наполовину отойдёт в казну, а оставшаяся половина будет разделена между остальными наследниками.

Орвицка скривился. Королеве действительно не хватало денег.

- С чего вы хотите начать, офицер Мондэйл? - с энтузиазмом спросил Боростай, закончив с предисловием. - О, кстати, вот предварительный отчёт о вскрытии.

Перед тем как забрать Орвицку, Чендлер лишь в общих чертах поинтересовался результатами вскрытия и сам его не видел. Когда Орвицка открыл отчёт, он тоже подошёл посмотреть.

На затылке покойного имелся ушиб, недостаточный для причинения смерти. На лице - кровавый отпечаток руки, под носом и на щеках - синяки, предположительно от того, что убийца зажимал жертве рот. На левой лопатке - синяк, предположительно от падения. В животе - два колотых ранения, ставшие причиной смерти. На запястьях - следы от давления, предположительно от того, что убийца сдерживал сопротивляющуюся жертву.

- Что-нибудь заметили?

- Пока нет, - Далиан взглянул на Орвицку. Он знал, что тот снова в своём репертуаре: очевидно, он что-то заметил, но пока не время говорить. - Здесь есть охрана?

- Нет, - покачал головой Боростай. - Впереди по этой улице есть пост, и каждые час-два мимо проезжает патруль Королевской полиции.

- Кто вчера патрулировал?

- Поскольку неизвестно, когда был убит граф - в первой половине ночи или во второй, здесь находятся обе группы полицейских. Мне их позвать?

Орвицка посмотрел на Боростая:

- Пусть пока подождут у входа. Я сначала осмотрю место происшествия, а потом решим.

Молодой офицер, следовавший за Боростаем, дождался, пока Орвицка войдёт, и тихо спросил:

- Офицер Мондэйл не хочет видеть наших людей?

- Дело не в том, что он не хочет видеть наших людей, а в том, что словам этих четверых нельзя верить, - похоже, это был его близкий человек, и Боростай охотно ему объяснил.

- Не доверяет им?

- Во время их дежурства был убит граф. Их ждёт наказание. Если выяснится, что это произошло во время дежурства одной группы, то, конечно, пострадает только она, а другая останется в стороне. Но сейчас обе группы утверждают, что не видели ничего подозрительного. Так что, вместо того чтобы топить друг друга, они решили сотрудничать и говорить, что ничего не знают.

В таком случае обе группы в худшем случае просто потеряют работу. Но благодаря старым связям, под защитой друзей в полицейском участке, они смогут найти другую работу, и все четверо и их семьи выживут.

Поэтому показаниям полицейских верить нельзя.

- Понял, - кивнул молодой полицейский.

- Пойдём, - сказал Боростай.

Они вдвоём тоже вошли в это небольшое здание.

Снаружи это место ничем не отличалось от других двухэтажных домов, но внутри...

Это было поистине прекрасное место. Никакой кричащей позолоты, на длинных шторах серебряной нитью вышиты лилии, на диване - бежевые хлопковые подушки, в плетёной корзине - красно-белые розы. На стенах не было картин с бравыми генералами или ослепительными ангелами, только играющие дети и осенние фруктовые деревья.

Обстановка была немного хаотичной, но очень уютной. Это было не похоже на офис, а скорее на дом.

Орвицка посмотрел на Чендлера. Это место не походило на весёлое гнёздышко, куда можно было привести любую девушку.

Чендлер понял его выражение лица и бессознательно приложил руку к груди:

- Я ошибся. Не стоило верить слухам.

Похоже, он тоже только что вошёл сюда вместе с Орвицкой.

- О? - Боростай, шедший за ними, тоже удивлённо воскликнул.

- Ты тоже не входил? - Орвицка посмотрел на Боростая.

Боростай неловко улыбнулся:

- Ну... я всё равно ничего не разгляжу.

Лучше уж сразу не входить, чем потом, когда придёт Орвицка и спросит, а он не сможет ответить, что весьма вероятно. Так что он просто подождёт, пока Орвицка что-нибудь обнаружит, и будет изучать это вместе с ним.

Орвицка на мгновение потерял дар речи. Ему очень хотелось застонать: "Ребята! Я в расследованиях – профан!"

Такое давление было невыносимым, и, к тому же, его методы расследования, если бы их применили на Голубой планете, во многом были бы в корне неверными. Это же дезинформация для общества!

Орвицка глубоко вздохнул... и посмотрел на Далиана:

– Чувствуешь запах крови?

Все присутствующие были в курсе, включая молодого полицейского, который вошёл с Боростаем. Он был представителем Рода Крови.

– Да, но он только в воздухе, – сказал Далиан. – Это от переноски тела, вокруг следов крови нет.

Ситуация становилась "интересной". Убийца зажал рот жертве, всем телом навалился на него, неизбежно оставив следы крови, но, спускаясь вниз, он не пролил ни капли на пол?

Поднявшись по лестнице на второй этаж, они ощутили ещё более домашнюю атмосферу.

Дверь в комнату, которая должна была быть хозяйской спальней, была открыта. Её переделали в гостиную. Большой трёхместный диван, длинная кушетка и два кресла окружали массивный журнальный столик. Ковёр, диван, обои – всё было в серебристо-зелёных тонах. Верхняя часть винного шкафа была заставлена бутылками, а нижняя – всем необходимым для приготовления кофе. В углу был небольшой уголок, где можно было сварить кофе или смешать коктейль.

Орвицка посмотрел на камин. В Содмане топить камин в апреле было обычным делом, да и в августе тоже. Дело было не только в холоде, но и в сырости.

Орвицка подошёл к камину, опустил на одно колено. В камине лежали два обугленных полена, немного золы и... ещё какая-то зола.

Орвицка осторожно вынул поленья. Внутри было несколько кусочков золы, очень похожих на остатки сожжённой бумаги.

Далиан опустил на одно колено напротив него и помог разбирать золу. Боростай тут же велел молодому полицейскому выйти и принести старое одеяло. Они осторожно чистили камин. Орвицка даже засунул голову внутрь, но, к сожалению, они не смогли найти в камине ни одной зацепки.

Тот, кто сжигал бумагу, был очень осторожен.

Снова надев перчатки – чтобы угольная пыль не попала на пол и не загрязнила место преступления – Орвицка перешёл в соседнюю комнату, которая была кабинетом графа Карлофиса и местом его смерти.

– ...

Он увидел пол, весь в кровавых следах.

Так что, как же насчёт того, что место преступления было хорошо сохранено?

Боростай отступил на шаг, ему очень хотелось сбежать...

- Судмедэксперт не установил время смерти? - спросил Орвицка.

- Э-э, да. Вы ведь тоже видели отчёт о вскрытии.

- Кровь ещё можно было так растоптать, значит, когда её обнаружили, она ещё не свернулась.

<http://bllate.org/book/17916/1715964>